

Б.Ф.Мартынов

Страсти по «имиджу»

В статье рассматриваются вопросы специфики понятия «внешний имидж страны» применительно к современной России, пути и методы оптимизации ее имиджа в крупнейшей латиноамериканской стране — Бразилии, необходимость развития гуманитарной и исторической культуры в российском обществе.

Ключевые слова: имидж, информационная безопасность, внешняя и внутренняя политика России, российско-бразильские отношения.

Отсутствие позитивного сдвига в странах развитого Запада в восприятии образа так называемой «новой» России, появление которого долгое время связывалось у нас сначала с отказом от коммунистической идеологии и переходом к рынку, затем — с укреплением демократических начал и наведением порядка в стране — объективный факт. Это было полностью подтверждено в ходе информационной агрессии в отношении России в августе 2008 г. на Кавказе. Нам представляется, что в основе данного явления лежат объективные военно-стратегические, геополитические, исторические, а отчасти и культурно-психологические (цивилизационные) факторы. Именно они не позволяют нам в полной мере рассчитывать на «автоматизм» изменения к лучшему исторически укоренившегося негативного отношения к нашей стране. В этом, собственно говоря, и заключается особая сложность формирования позитивного имиджа России, резко отличающая ее от всех остальных государств (в том числе и от тех, которые ранее входили в состав СССР или в сферу его непосредственного влияния).

Дело в том, что Российская Федерация остается пока *единственным государством на Земле*, которое обладает ракетно-ядерным потенциалом, способным физически уничтожить Соединенные Штаты Америки. На это важное обстоятельство обращают внимание многие российские и зарубежные аналитики. А если так, то задача США — нейтрализовать этот потенциал путем создания вокруг якобы «непредсказуемой», «неоимперской» и «авторитарной» России санитарного кордона в лице недружественных государств, готовых на размещение на своей территории элементов амери-

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, заместитель директора ИЛА РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения исследовательского проекта № 06-03-02088а «Механизм формирования облика РФ и возможности его более позитивной трансформации в различных слоях бразильского общества».

канской ядерной триады (что уже делается), либо путем дальнейшего расчленения нашей страны на несколько «суверенных» парцелл путем создания желанного «демократического» хаоса.

Кроме всего прочего, Россия — это *самодостаточное государство-гигант*, успешная аккомодация которого в рамках навязываемой миру американской модели «свободы-демократии» возможна только в условиях ее раздробления и создания на ее бывшей территории «государств» — сателлитов США типа Польши, Грузии, Косово и т.д. (первым эту мысль высказал Зб.Бжезинский). А все риски воцарения анархии на огромном евразийском пространстве (это югославский сценарий, но с ядерной начинкой!) Вашингтон, по-прежнему полагаясь на свою «удаленность», предпочитает, по-видимому, игнорировать, рассчитывая с лихвой компенсировать возможные издержки сценария за счет *получения неограниченного доступа к энергетическим и другим природным ресурсам России*.

Наличие в России колоссальных запасов углеводородного сырья (13% всех мировых запасов нефти, 28% угля, 45% природного газа) наверняка и дальше будет подстегивать попытки отдельных «теоретиков» на Западе «обосновать» отчуждение огромных, но «недостаточно населенных» и/или «экономически неперспективных» ее территорий в пользу мифического «международного сообщества». Весьма иллюстративна постановка вопроса американскими авторами Ф.Хилл и К.Гэдди в книге с характерным названием «Сибирское бремя». Они концентрируют внимание на «экономической нерентабельности» постоянного проживания россиян на обширных территориях Восточной Сибири, Заполярья, Камчатского края и Чукотки. При этом открыто заявляется цель лишить Россию суверенитета над этими районами, присвоив Сибири статус «всемирного наследия и особо охраняемой Организацией Объединенных Наций (или другой организацией — *sic!*) территории». За Россией же предлагается сохранить лишь право некоей «поднадзорности»¹.

Самым большим дефицитом на планете в XXI в. будет все же не нефть, а *пресная вода*. Россия (вместе с Бразилией) делит первое-второе место в мире по ее запасам (11-13%). Лишь одно озеро Байкал сосредоточило в себе их пятую часть! В этом плане становятся понятны «неожиданные» высказывания бывших госсекретарей США (М.Олбрайт, К.Райс) в том смысле, что России, мол, не мешало бы «поделиться» территорией с другими. Чрезвычайно сомнительными в плане всего отмеченного выше представляются надежды на то, что с приходом администрации Б.Обамы российско-американские отношения ждет период «потепления».

Есть и еще одно обстоятельство, которое в условиях нынешнего самозатверждения России в мирохозяйственных связях и в мировой политике начинает откровенно обнажать себя. Сильнее всего оно ощущается в англосаксонских странах — Великобритании и США. Это наши *цивилизационно-культурные различия*. Ведь все разговоры о так называемой «загадочной русской душе» есть не что иное, как плод «цивилизационного» недопонимания*. Да и у нас далеко не все готовы принять фразу о том, что у англосаксов «нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы».

* Уместно вспомнить в этой связи известную фразу Черчилля о том, что Россия — «это загадка, завернутая в загадку и прикрытая тайной».

Думается, что все разговоры об «инерции» или об «остаточном» характере антироссийской пропаганды на Западе — хороший образец *«wishful thinking»**, которое, к сожалению, еще разделяется частью наших «имиджологов», политиков и дипломатов. Такие разговоры — хороший предлог к тому, чтобы ничего не делать. Наверное, нам не стоит ни продолжать обманывать себя, ни заранее отказываться от долгой и терпеливой работы по оптимизации имиджа нашей страны, поскольку «инерция» — это то, что легко изживается со временем, тогда как преодоление цивилизационно-культурных и других различий — процесс гораздо более затратный и трудоемкий. Отсюда два вывода:

Во-первых, сегодня трудно ожидать «автоматической» оптимизации имиджа нашей страны во внешнем мире только за счет усилий по улучшению экономической ситуации, повышению качества жизни, совершенствованию демократии и активизации продвижения позитивной информации о России вовне. Подобная оптимизация, как об этом свидетельствует опыт, ставится Западом в зависимость не от стабилизации, а, скорее, от дестабилизации ситуации в России (имидж СССР, а вернее, его провально-го руководства на Западе был как никогда высок в эпоху «позднего» Горбачева, которого постоянно прославляли как самого прогрессивного советского лидера. В начале 90-х годов США продолжали изображать Россию «демократической» страной даже после расстрела Ельциным Белого Дома). Восприятие Западом России, а вернее, его полхвалы в наш адрес, сугубо политизированы и зависят от степени уступчивости Кремля по таким кардинальным вопросам, как расширение НАТО на Восток, размещение американской ПРО в Европе, отказ Москвы от попыток обеспечения своих интересов на постсоветском пространстве — Косово, Иран, Грузия, Украина, далее — везде...

Во-вторых, трудно ожидать, что, сосредоточив в своих руках всю мощь информационно-пропагандистского аппарата и пользуясь опытом предыдущих наработок по созданию в мире негативного образа СССР, Соединенные Штаты вдруг резко изменят свое отношение к нам с негативного на позитивное и откажутся от прокламированных еще в 90-е годы стратегических целей своей внешней политики. Эти цели, повторим, выглядят так: а) максимальное ослабление нашей страны с ее возможным расчленением на «суверенные» парцеллы для нейтрализации в какой-либо форме российского ракетно-ядерного потенциала; б) ликвидация возможного подрастающего политического и экономического конкурента, способного вскоре многократно усилить свою глобальную проекцию путем консолидации «постсоветского пространства» и/или интенсификации сотрудничества с другими восходящими странами-гигантами (ШОС, «тройка» Россия — Индия — Китай, «четверка» БРИК с участием, подчеркнем, Бразилии); в) получение привилегированного доступа к колоссальным природным ресурсам России в условиях обострения глобального спроса на них; г) в последствии — возможное окружение Китая с севера за счет образования новых сателлитов из бывших российских территорий (сценарий Бжезинского).

Глобальная информационная политика сегодня, как сто и двести лет назад, определяется не идеологическими соображениями и благими намерениями, а той самой проверенной *Realpolitik*, которая заставляла США протягивать руку СССР в годы смертельной для себя опасности (Вторая миро-

* Выдавать желаемое за действительное (англ.).

вая война) или в периоды своего максимального ослабления (великая депрессия 30-х годов XX в.). Рассчитывая на идеализм Вашингтона или на такой «реализм» с его стороны, который бы нас однозначно устраивал (например, идея трехстороннего взаимодействия США — Россия — ЕС), мы вновь рискуем совершить ту же ошибку, какую совершили в начале 90-х, положившись на «добрую волю» Соединенных Штатов и их декларативное стремление к партнерству. *В этом плане стоило бы отметить, что все наши «новые» информационно-пропагандистские усилия, «в пожарном порядке» предпринимаемые для улучшения имиджа РФ за рубежом (нет гарантии, что они не повторят модель старых, еще советских), вполне могут оказаться еще одной безуспешной попыткой доказать, «что ты — не верблюд».*

Многонациональная и мультиконфессиональная страна до сих пор еще с «непредсказуемым» прошлым и довольно размытой национальной идентичностью, с находящейся в становлении экономикой, которая еще не преодолела топливно-сырьевую ориентацию, страна, не имеющая собственной национальной идеологии, но стремящаяся наполнить реальным содержанием унаследованный ею от прошлого статус «великой державы», — такова Россия сегодня. Ее «промежуточное» положение активно используется англосаксонским Западом для возбуждения недоверия к ней со стороны некоторых «старых» (да и многих «новых») членов глобального «клуба».

Запад превращает Россию в пугало для своих простых граждан и потенциальных инвесторов, что подрывает внешнеполитические и внешнеэкономические позиции нашей страны. Это — питательная почва для применения в отношении нее политики «двойных стандартов», когда террористы и преступники, нарушающие российские законы, в мировых масс-медиа сплошь и рядом подаются в обличье «борцов за независимость», «демократов нового образца», людей, «пострадавших в результате систематических нарушений прав человека» и т.д. Кульминацией такой политики стали события в Южной Осетии в августе 2008 г., когда на память пришли бомбардировки жилых кварталов Белграда авиацией НАТО во исполнение стратегии США по расчленению Югославии. Фактически вся внешняя политика Вашингтона после окончания «холодной войны» основывалась на принципе *Quod licet Jovi non licet bovi* («Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»). Российская же дипломатия, к сожалению, долгое время, особенно в 90-е годы, как бы неосознанно подстраивалась под этот принцип, пока события на Кавказе не открыли многим глаза на печальную действительность.

Что предпринять в этих условиях? Как обеспечить благоприятную внешнюю среду для реализации национальных задач России? *Простых* ответов на эти вопросы, подчеркнем, у нас нет. Но их, наверное, и быть не может. Очевидно одно: *опыт СССР конца 80-х и России до 2008 г. продемонстрировал, что политика не только «с позиции слабости», но и с позиции «новичка» в «школе западной демократии» наносит непоправимый ущерб интересам безопасности нашего государства и, неизбежно, — тому внешнему представлению, которое складывается о нем, в случае если уступки во внешней (и информационной) политике не основываются на взаимности.*

Призыв «перестать оправдываться по всякому поводу» («Обзор внешней политики Российской Федерации, 2007 г.) давно стал настоятельной необходимостью. В условиях сложившегося на Западе предвзятого отношения к нашей стране ей трудно рассчитывать на скорое изменение нега-

тивистского подхода, а с учетом заданности антироссийской тематики, которая усиленно продвигается по линии госдепа США и разного рода «общественных фондов», это было бы преступно и глупо. Не отказываясь полностью от эконоцентричного взгляда на построение конструктивного имиджа РФ за рубежом, распространенного у нас до сих пор, мы предлагаем все же перейти к *антропоцентричному*, т.е. *культурно-цивилизационному*, ориентированному на ценности межнационального общения.

Согласно системе, разработанной одним из ведущих мировых специалистов в области кросс-культурного взаимодействия американцем Ричардом Льюисом, которая изучается сотрудниками практически всех крупных мировых компаний перед отправкой за рубеж, в мире существует три типа деловых культур. Первая — «моноактивная», ориентированная на выполнение конкретной задачи. Типичными представителями этой культуры являются англосаксы. Второй тип — «полиактивная», т.е. ориентированная на *людей*. К ней относятся словоохотливые, импульсивные и общительные люди. Это люди романской расы (французы, испанцы, итальянцы, *латиноамериканцы*), арабы и *русские*. Третий тип «по Льюису» — это люди так называемой «слушающей» культуры, жители Дальнего Востока — китайцы, японцы, корейцы и др.

Если признать, что бытовавшее у нас до последнего времени стремление «понравиться абсолютно всем» нереально, то задача оптимизации имиджа России за рубежом приобретет иное измерение. Она станет более *избирательной и предметной*. Следует в первую очередь обратить свой взор на те страны и регионы, которые, как и Россия, испытывают на себе, в силу схожих причин, влияние политики информационного прессинга, и чей образ намеренно искажается в угоду чьим-то эгоистическим интересам. Очевидно также, что особый интерес для новой информационной политики России должны представлять *ключевые страны и регионы* Земли, т.е. те, которые отмечены восхождением по ступеням мировой «табели о рангах» и с которыми у России фиксируется возрастающая общность интересов (так называемые «страны БРИК» — Бразилия, Россия, Индия, Китай). Эти государства способны и, как представляется, *цивилизационно* готовы быть проводниками российского влияния в собственном регионе или внутри возглавляемого ими самостоятельного цивилизационного ареала. В Латинской Америке такой страной для России может быть Бразилия.

Важность для нас этого тропического гиганта не только в его масштабах, растущей экономической мощи и достигнутом достаточно высоком уровне научно-технического развития. Эта страна является естественным лидером находящейся на стадии становления новой *латиноамериканской цивилизации* современного мира. С этой точки зрения всевозрастающее значение Бразилии для России как перспективного торгово-экономического контрагента и важного политического партнера не может вызывать никаких сомнений.

Специфика таких держав, как Бразилия или Россия, позволяет им уверенно заглядывать в XXI век. Однако, дело не столько в наличии уже открытых и осваиваемых природных минеральных и энергетических ресурсов, сколько в перспективах освоения новых с расчетом на ускорение технического прогресса. По своей эффективности в стабилизации окружающей среды нетронутые природные территории России сравнимы лишь с Амазонией в Бразилии. «Нельзя не видеть, — писал один из основоположников российской «имиджелогии» Э.Галумов, — что Россия сегодня как

раз и сделалась ареной жестокой конкуренции за источники сырья между ведущими государствами планеты, полем, на котором решается не только ее судьба, но в значительной степени и судьба всего человечества². И в этом смысле отнюдь не «уровень развития демократии» и не наличие или отсутствие резких социальных контрастов, а **способность или неспособность эффективно контролировать собственную территорию** — вот что будет определять характер отношений таких стран, как Россия, Китай или Бразилия со странами «развитого Запада» в ближайшем будущем. Действовать предстоит с учетом простого жизненного принципа: «если сегодня — ты, то завтра — я». Многое в политическом позиционировании этих стран будет зависеть от того, насколько последовательно смогут они придерживаться *собственной стратегии развития и безопасности, включая и ее информационный подвид*, при условии, что такая стратегия, не подверженная конъюнктурным колебаниям, будет иметься у них в наличии.

В мировых информационных потоках и Бразилия, и Россия зачастую оказывались в «одной лодке». Если Россию критиковали за войну в Чечне, политику в отношении бывших республик СССР, состояние дел в области обеспечения гражданских прав и свобод и «агрессию» против «маленькой Грузии», то Бразилию — за ухудшение экологического баланса и нарушения прав индейцев в Амазонии, высокий уровень преступности и коррупции и положение заключенных в бразильских тюрьмах, за давление на своих партнеров по Меркосур и т.д. Нет нужды говорить, что многие из этих инвектив возникают отнюдь не на пустом месте. Однако сама манера подачи материала и скоропалительные «выводы», делающиеся на их основе, лишь еще раз подтверждают тезис о том, что «дьявол» находит себе прибежище в деталях.

В некоторых перспективных проектах, которые подготавливались в Бразилии на рубеже столетий, «информационная однополярность» квалифицировалась как негативное явление, утверждение которого может привести к росту конфликтности в мире и затруднить перспективы национально ориентированного развития государств. С учетом этого для России открывается реальная возможность проведения активной информационной политики с целью последовательного формирования в Бразилии позитивного имиджа нашей страны. Эта политика, как нам представляется, должна основываться на выработке *солидарного* подхода к освещению основных мировых событий и положения в наших странах. Какие возможности существуют для этого?

Национальные СМИ в Бразилии (печать, радио, телевидение, Интернет) способны оказывать существенное воздействие на ее население (уровень грамотности которого приближается к 90%). По количеству пользователей Интернетом эта страна в 2006 г. поднялась с 18-го места в мире на 8-е. Однако Россия для бразильцев (равно, как и Бразилия для россиян) остается еще в достаточной степени «экзотической» страной в силу не столько географических расстояний, сколько в результате сохраняющихся стереотипов. Основная информация о ней сосредоточивается как правило в центральных СМИ и СМИ крупных промышленных и университетских городов.

Следует признать, что образ сегодняшней России в Бразилии по большей части не определен и размыт в силу недостаточной информации о ней, а также вследствие пассивности российских официальных лиц и общественных структур в деле распространения таковой. Судя по всему, и бразильцы не удовлетворены достаточно низкой приоритетностью Бразилии и

других стран Латинской Америки в целом на шкале внешнеполитических приоритетов России. Вместе с этим, они были бы не прочь вновь видеть Россию сильной державой, способной реально отстаивать свои глобальные интересы и сдерживать экспансионистские устремления США. К тому же бразильцы, обладающие соответствующим уровнем образования и культуры, в подавляющем большинстве хотели бы сохранять в своем сознании позитивный образ той исторической (равно как и советской) России, которая внесла колоссальный вклад в мировую культуру, мощной державы, которая была способна на равных конкурировать с США.

Все сказанное выше применимо к освещению бразильскими СМИ событий в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. В первую очередь следует отметить ставшую уже традиционной пассивность и незаинтересованность в какой-то «излишней» информационной активности наших госструктур в Бразилии. На этом фоне информационная картина оказалась весьма расплывчатой, мнения бразильцев разнились, подчас полярно, что свидетельствовало об их растерянности перед лицом разнородной информации, которая поступала, с одной стороны, из западных новостных агентств и от немногих собственных корреспондентов в России и на Кавказе — с другой. В эти дни с особой отчетливостью проявилось *отсутствие линии на солидарность* России и Бразилии, что стало, на наш взгляд, следствием излишней прагматичности в их подходе к подаче информации друг о друге, которая обусловлена конкретным *событием, временем и местом*, ориентацией на вкусы и интеллект «массового потребителя» («избыточная экзотика»), но не связана с попытками выхода на общую политику в сфере информационной безопасности, несмотря на официальное признание необходимости таковой. Вина за это лежит в равной степени как на российской, так и на бразильской сторонах, по-прежнему не желающих замечать ни общих элементов в развитии наших стран, ни усиливающейся взаимозависимости между ними в условиях глобального миропорядка (или отсутствия такового), ни эмоционально-психологической общности бразильцев и россиян. Между тем, линия на солидарность — это как раз то, что характеризует западные СМИ, которые даже откровенные провалы во внешней и внутренней политике государств — членов единых организационных структур ухитряются подавать в худшем случае как «досадное недоразумение». Достаточно посмотреть, например, на то, как подавляющее большинство британских и американских СМИ подают материалы об Афганистане, Ираке, Косово, Грузии и о внутривнутриполитической ситуации в своих странах.

То, что мы предлагаем в целях оптимизации восприятия России и россиян в Бразилии, — это попытка отказаться от остаточного и сугубо событийного, либо «кампанейского» подхода к построению нашей информационной политики в этой стране. Это попытка найти и правильно использовать *психологическую совместимость* двух наших народов, выявить исторические, психологические и культурные факторы, объективно сближающие их, в целях организации лучшей информированности друг о друге. Такая *заинтересованная информированность*, основанная на выстраивании *линии на солидарность*, не ставит целью распространение излишне «подслащенной» информации о нашей стране, как это было в советские времена. «Заинтересованная информированность» позволила бы изменить избыточно неадекватные и ложные представления о России, которые в силу слабой и/или заведомо искаженной информации распространя-

ются не только в Бразилии, но и в других латиноамериканских странах. Она помогла бы на ранних стадиях отсекасть заведомо недобросовестную информацию о нашей стране, создавая для нее такую же «презумпцию невиновности», которой пользуются, как хотелось бы думать, в отношениях между собой цивилизационно близкие страны. Для этого необходимо раскрыть, наконец, *эмоциональный фон* наших отношений с Бразилией, который до сих пор, в условиях культа сиюминутности и прагматизма, оставался в значительной мере не востребуемым.

Решение проблемы имиджа России в мире следует воспринимать не как очередную кампанию или легко (или даже автоматически!) достижимую цель. «Страсти по имиджу», периодически то разгорающиеся, то затухающие в нашей стране, — это не тот путь, по которому следует идти. *Обретение* позитивного имиджа — длительный процесс, чреватый как взлетами, так и падениями. Не подвергая сомнению лозунг о том, что нам нужно «начать с себя», предлагаем *сосредоточить внимание не столько на общих «объективных показателях», как это было ранее (эти показатели меняются со временем), сколько на том, что не подвержено влиянию конъюнктуры, — на духовно-нравственной составляющей нашего коллективного бытия.* Мы считаем, что «по большому счету» (безотносительно конкретной страны или региона) желаемый долговременный результат может быть достигнут только путем терпеливого *укрепления национального самосознания россиян, повышения уровня их общественной и общечеловеческой культуры, развития в них чувства собственного достоинства и гордости за свою страну, такого здорового патриотизма, который не определялся бы напрямую объемом потребления материальных благ.*

Методы новой информационной политики России должны отличаться как от худших образцов «лобовой» советской пропаганды, так и от тех сугубо пассивных и оправдательных, которые предлагаются сейчас многими в расчете на «добрую волю» и «реализм» со стороны Запада. В этом плане нам необходимо ответить, наконец, на «сакраментальные» вопросы: *кто мы, откуда мы пришли, куда мы идем?* То есть, постараться определиться с собственной историей, со своими долгосрочными целями и перспективной стратегией. При этом более полное восстановление преемственности между исторической (до 1917 г.) и современной Россией (избегая при этом употребления неудачного, на наш взгляд, термина «новая Россия»)* позволит нам предметнее обнажить органичную связь между ней и классической русской культурой, позитивное восприятие которой нами самими — важнейший элемент восприятия нас за рубежом. Это же наверняка поможет и оттеснить на периферию массового сознания те негативные явления советского периода (Голодомор, Катынь, Пакт Молотова — Риббентропа и т.д.), которые постоянно используются сейчас для искажения образа нашей страны как преемника СССР. Затягивание ответов на эти вопросы затрудняет выработку Россией долгосрочной *философии* своего нынешнего и будущего бытия, формулирование ею мировоззренческих основ своей политики, которые соответствовали бы нашей цивилизационно-

* В самом деле, где и когда «новичок» мог претендовать на что-то большее, чем «правильное» усвоение уроков «старших»? Да и отречься от тысячелетней истории России значило бы употреблять себя смердяковым.

исторической и национальной специфике. Одним «прагматизмом», как бы хорошо он ни был, здесь не обойтись. Необходимо ускорить выработку долгосрочной концепции гуманитарного, образовательного и культурного сотрудничества России с зарубежными странами, уделяя этому примерно такое же (если не большее!) внимание, какое сегодня уделяется руководством страны вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

В контексте развития гуманитарных наук в нашей стране особое внимание, на наш взгляд, следует уделить *истории*. Практика показывает, что именно история, вернее, ее извращенные трактовки недоброжелателями России, являются сегодня полем наиболее ожесточенных атак против нашего народа. Однако российская историческая наука долгое время находилась в «загоне» (если судить, например, по нынешнему состоянию российских библиотек и архивов) или в таком «раздрае», когда всякий, прикрывающийся «свободой мнений», мог на свой лад переиначивать ее (сочиняя учебники для средних школ). Период же «официальной» истории, который мы, хочется верить, уже прошли, показал, что *любая* предвзятость в отношении исторической правды приносит государству непоправимый вред. С эпохой «разброда и шатаний» в истории нашей страны (когда она представлялась то «светочем всего человечества», то пригостишкой в школе «всемирной демократии») пора, наконец, покончить. Необходимо начать всемерное поощрение *серьезных, неангажированных научных исследований в области отечественной истории* с привлечением к этому молодых, подающих надежды ученых, не связанных с идеологическими пристрастиями вчерашнего дня. Следует кардинальнейшим образом поднять престиж отечественной исторической науки, создать соответствующую инфраструктуру исследований, наметить основные их направления, способные дать ответ на актуальные проблемы современности.

Подчеркнем еще раз: коренного изменения ситуации с имиджем России за рубежом можно добиться только путем кропотливой, целенаправленной работы по формированию в России нового общественного сознания, основанного на высокой культуре (в том числе исторической) нашего населения и его уверенности в завтрашнем дне, невозможной без его уверенности в дне вчерашнем. Иначе тема «Какая Россия нам нужна?» будет постоянно муссироваться в западных СМИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф.Х и л л, К.Г э д д и. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007, с. 237.

² Э.Г а л у м о в. Имидж против имиджа. М., 2005, с. 44.